

Роман правды. - 1990. - 23 сент.

Как я был фанатом Леонтьева

Была поздняя ночь, переходящая в раннее утро. Сумеречная прохлада набиралась за воротник и гнала ночного путника к дому. Путником был я, засидевшийся у товарища на дне рождения. Опоздав на метро, я брел пешком уже второй час — в кармане позвякивала мелочь. Шампанское уже выветрилось из головы, и я вполне трезво осознавал ситуацию: до моего дома и быстрым шагом менее чем за часа четыре не дойти.

Вдруг голос, точнее — голосок:

— Эй, дай две копейки.

Из телефонной будки выходит девушка. Внешность самая заурядная: юбочка, кофточка, сумочка какая-то. На лице — жуткий парфюмерный сюрреализм — сплошное ядовитое пятно. Между чем-то малиновым и чем-то оранжевым — острые кругленькие глазки.

— А сига-арета есть?

И сигарету дал. А она вдруг так доверительно, голос понизив:

— Слуш, чего скажу... Другому не сказала бы. Я щас дом тебе покажу, где Валерочка живет («р» как-то «фирмово» грассировала на фоне заговорничкого полусшепота).

— Какой Валерочка? — изумился я.

— Ну дает, не знаешь, что ли, что здесь Леонтьев живет, — и возвела глаза сначала ввысь, призывая небо в свидетели, а потом куда-то в сторону предполагаемого обиталища популярного артиста эстрады Валерия Леонтьева.

— Я тут дежурю, — говорит, — фанатка я, понял?!

Я сначала хотел отмахнуться, — дело понятное, фанатка и есть фанатка. А потом интересно стало.

— Ну давай, — говорю, — покажи.

И мы пошли. Шли минут пять и вышли к обычному кирпичному дому. Девчонка с видом знатока окинула взором окна то ли третьего, то ли четвертого этажа.

— Ага, свет не горит, не пришел еще. Щас тачку посмотрим.

Мы обошли дом кругом и подошли к первому подъезду. Там стоял одинокий «жигуль».

— Ага, Севка здесь. (За именина не ручаюсь).

— Какой Севка?

— Ну, телохранитель. Он, значит, хату охраняет.

Она помолчала, потом подошла к машине и, глядя в стекло дверцы, подкрасила губы. Потом зачем-то подергала ручку. Помолчала.

— Меня Люська зовут. Пошли, в подъезд зайдем.

Зашли в подъезд, сели на ступеньки, закурили.

— А зачем ты... фанатеешь? — сказал я и понял, что спросил какую-то чушь.

— Как это зачем?! Ты что, не знаешь, что Валера — величайший артист эстрады?!

— А дежуришь зачем? — я пошел ва-банк.

— Ну посмотреть на него, может, сказать ему чего-нибудь. Я уже с ним однажды говорила. Правда, меня сразу другие оттолкнули. Ну он так, ничего. Подлец, правда...

— То есть как?! — изумился я окончательно.

— Ну скрывается от нас непонятно где. Хотя понятно: мы уже так его.. (и тут Люська матерно определила то, что фанаты, мол, ему поднадоели уже). Ну ладно, пошли отсюда, я знаю, где он. Он у Любки!

— А... может, он спит?

— Да нет, я же тут с вечера дежурю. Какое там спит! — они сидят еще. Божема! А Любка у него в группе. Она клевая. Я с ней иногда по телефону говорю.

И мы отправились переулками к Любке, которая, как оказалось, живет в семизатке сталинской архитектуры.

— Я вообще-то за Валеру недавно фанатею. Я раньше за одного идиота фанатела... Маленькая была, дура, не понимала еще.. А щас многие к «Ласковому маю» перекинулись — ну это лажовщики. Не понимают, что «Май» — это не искусство, а вот Валера — это искусство! Он сейчас новую программу сделал, я на всех концертах была.

— А ты в свободное время чем занимаешься?

— А... так... ничем. Ну, бывает, в техникум зайду... Там такая лажа! Дай-ка еще двучку.

Люсьа подошла к телефону-автомату.

— Не берут трубку, подонки. И весь свет выключили, чтобы никто не догадался. Ну мы их в парадняке подождем.

Мы вошли в подъезд и снова уселись на ступеньки. Я хотел порасспросить Люсю еще — кто она, что она и что она думает о жизни и о Валерии Леонтьеве. Но я заметил, что Люсьа прислонилась к стеночке и мирно в одну секунду заснула. Задремал и я.

Когда открыл глаза — было уже полшестого. Сразу сообразил — можно идти в метро. Люсьа посапывала рядом. Разбудил ее.

— Тебе на Юго-Запад? — спросила она. — Отлично! У меня есть червонец, щас тачку возьмем.

— Да уж ладно, спасибо, я на метро.

Ехал в метро, а в голову лезли разные вопросы: а правда, черт возьми, зачем это все? Откуда берутся эти девчонки и мальчишки, которые расписали все стены и подворотни, которые забрасывают

нашу редакцию письмами — кто по поводу Юрочки Шатунова, а кто по поводу Женечки Белоусова. И ведь, кажется, еще до Элвиса Пресли не было такого феномена в мире, а потом началось — Пресли, «Битлз», «Роллинг Стоунз», Майкл Джексон, «Бон Джови». И у нас, как пародия, на это — фанаты и фанатки Пугачевой, Бутусова... Стены в подъезде, и те расписывают с одними мыслями: отметить, прикопнуться. К чему? Почему же искусство — пусть «легкое» — дает такие странные обертоны? Я знаю, как серьезно и много работает Леонтьев, или, скажем, Кинчев, но почему так непредсказуем результат. Меня немножко пугает и то, с какой враждебностью фанаты разных музыкантов относятся друг к другу: как поклонники «серьезного» рока воротят нос от «маевцев», как «пугачевцы», выпускающие, кстати, газету «Пугачевская правда», терпеть не могут «металлистов», а «металлисты» не прочь физически выяснить отношения с «аквариумистами».

Неужели музыка, если это действительно хорошая музыка, способна рождать в наших душах ненависть и агрессию? Знаю по опыту — стоит не то что покритиковать, а даже усомниться в достоинствах рок-«звезды». Н. или секспули Х, как на журналиста обрушиваются оскорбления и угрозы. Говорят — в семье не без урода, но, господи, как же должно быть больно наше поколение, чтобы из-за музыки мы были способны ходить стенка на стенку.

Грустно мне было, когда я ехал в метро на первом поезде от станции «Менделеевская»...

О. ПШЕНИЧНЫЙ.